

УДК 811.161.1 + УДК 811.162.3

ТОЛСТОЙ И ДИККЕНС: ЗАГАДКА ОДНОЙ ДНЕВНИКОВОЙ ЗАПИСИ

© 2011 г.

Н.М. Фортунатов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fortunatova2@mail.ru

Поступила в редакцию 28.12.2010

Статья посвящена текстологическому комментированию: автор пытается определить литературную основу дневниковой записи Л. Толстого (декабрь, 1902 года).

Ключевые слова: текстология, комментарий, Л. Толстой, Ч. Диккенс.

Комментирование – род «прикладной филологии», как можно было бы определить этот жанр научной деятельности, или «критика текста», как определяют саму текстологию. Интерес исследователя сосредоточен в таких случаях на конкретных реалиях того или иного произведения или документа.

Например, вы когда-то серьезно занимались Толстым. А так как вам приходилось большое внимание уделять вопросам психологии творчества писателя, то в круг ваших интересов попали (не могли не попасть) его дневники и записные книжки, которые вами читались, а частью исследовались и подвергались тщательным анализам. Возможно, что в какой-то момент, даже спустя многие годы, когда вы уже занялись чем-то другим, в голову пришла мысль обратиться к Диккенсу: это любимейший автор Толстого.

Но известно, что круг чтения Толстого громаден. Почему именно Диккенс, а не кто-то другой из его избранников? – на этот вопрос трудно ответить. Однако выбор сделан: Диккенс так Диккенс.

Однако вы берете в руки его том, и побудительный мотив всякой комментаторской деятельности – поиск конкретного материала – вскоре бесследно исчезает. Вы читаете потому, что не можете не читать, до такой степени вас захватывает этот гениальный мастер.

Хорошо, если под рукой у вас полное собрание его сочинений, и вы можете читать все подряд, ничего не пропуская. Именно благодаря этому в какой-то момент в вашем сознании вдруг происходит соединение двух текстов – Чарльза Диккенса и Льва Толстого: один из прославленных романов первого заставляет вас вспомнить мало кому известную дневниковую запись второго.

Но и она в своем роде тоже замечательна. Во-первых, принадлежит Толстому, а это уже

много значит. Во-вторых, сама мысль в высшей степени оригинальна и значительна для системы его представлений о писательском труде. И, в-третьих, ни в одном из собраний его сочинений, ни в специальных изданиях, посвященных литературе и искусству, словом, *нигде и никогда* она не была прокомментированной, оставалась до сих пор загадкой для читателей и для исследователей Толстого и Диккенса.

Вот эта дневниковая запись от декабря (точная дата автором не отмечена) 1902 года: «Думал обо всех этих писателях: Андрееве, Скитальце и т.п., почему они имеют успех и пишут. *Знаете шутку, если спросить у кого-нибудь: играете вы на скрипке? И ответ: не знаю, я никогда не пробовал. Это шутка, и мы смеемся.* А если спросить: вы пишете? И ответить: не знаю, я не пробовал – то мы не смеемся, это не кажется нам шуткой. И вот все они пробуют и думают, что пишут, и люди читают» (курсив мой. – Н.Ф.) [1, с. 510].

Требования Толстого к литературной работе исключительно высоки – это хорошо известно. Но что это за шутка? Она действительно существовала в разговорах и признаниях Толстого? Или он ее придумал в момент беседы, в оживленной, как бывало не раз, импровизации, чтобы оттенить значение писательского труда и меру ответственности автора перед читателями?

Не то, не другое и не третье. Выделенный курсивом текст (в дневниковой записи он не подчеркнут) – это совершенно точное повторение чужой мысли, своего рода литературный плагиат, потому что автор не назван, но существует, и Толстой это знает, потому-то и возникла эта выразительная и остроумная дневниковая запись. И какой автор – Диккенс!

Но чтобы понять это, надо хорошо представлять себе Диккенса, причем не в отдельных фрагментах, что очень рискованно, потому что

можно просто пропустить этот текст, ведь он сам по себе невелик и может ускользнуть от вашего внимания. Значит, надо читать не выборочно, не в отрывках, а читать «всего Диккенса», как в таких случаях говорят.

Однако это не работа комментатора, она лежит вне пределов его исследовательской техники. Здесь нет намерения схватить тайный смысл конкретного факта, который стоит перед глазами и требует пояснений; это неосознанное усилие, где нет заранее намеченной цели, да вы о ней просто не думаете в момент такого чтения.

Контаминация же, неожиданное стяжение двух текстов, происходит тоже совершенно непреднамеренно. Либо у вас должна быть хорошо тренированная память, прочно фиксирующая дневниковые записи Толстого, одна из которых вдруг в вашем сознании начинает соотноситься с Диккенсом, либо именно эта запись была выделена вами когда-то среди остальных. Скорее всего последнее, потому что «шутка» имеет в виду вечную для Толстого проблему формы как одного из трех неперменных условий истинного произведения искусства: *содержания, формы, искренности*, – среди которых форма остается для него неясной, загадочной, но важнейшей в писательском деле категорией. Авторы совершают великий грех, легкомысленно относясь к ней.

Как бы то ни было, не отправься вы по пути чтения Диккенса, хотя бы и без заранее обдуманного намерения, вы никогда бы не пришли и к Толстому. А не займись Толстым с его дневником, пропустили бы остроумную фразу Диккенса. Она появится только в 49 главе, то есть уже перед завершением «Посмертных записок Пиквикского клуба», в истории дяди торгового агента с его фантастическим путешествием и не менее фантастическими подвигами, вызванными, как выяснится вскоре, чрезмерным злоупотреблением спиртным и слишком разыгравшимся воображением.

Дядя проявляет чудеса храбрости и искусства в дуэльном состязании, каким никогда не занимался прежде. Он отважно вступает в бой с двумя опытными фехтовальщиками, наносит и отражает удары, с замечательной ловкостью парирует, колет, хотя в жизни единственный раз держал в руке шпагу, да и то в любительском спектакле, где заранее договорился с другим актером, что тот даст проколоть себя сзади, даже и не пытаясь драться. Объясняя свое мастерство, дядя замечает:

«В одном старом анекдоте – совсем неплохом, хотя и правдоподобном, юный ирландский джентльмен на вопрос, умеет ли он играть на

скрипке, ответил, что нимало в этом не сомневается, но утверждать не смеет, ибо ни разу не пробовал... Это только доказывает справедливость старого правила: человек никогда не знает, на что он способен, до тех пор, пока не проверит на деле» [2, с. 326].

Сравним еще раз эти два текста:

ДИККЕНС	ТОЛСТОЙ
В одном старом анекдоте – совсем не плохом, хотя и правдоподобном, юный ирландский джентльмен на вопрос, умеет ли он играть на скрипке, ответил, что нимало в этом не сомневается, но утверждать не смеет, ибо ни разу не пробовал.	Знаете шутку, если спросить у кого-нибудь: играете ли вы на скрипке? И ответ: не знаю, я никогда не пробовал. Это шутка, и мы смеемся. А если спросить: вы пишете? И ответить: не знаю, я не пробовал – то мы не смеемся, это не кажется нам шуткой.

Первая часть фразы – бесспорное прямое повторение. Как оно произошло? Взял ли Толстой в руки томик с «Записками» и нашел фрагмент, остановивший его внимание когда-то? Или это его поразительно точная память? Та, о которой Стефан Цвейг в книге «Великая жизнь» писал, что ничто в ней не стирается с годами твердым напильником лет, хотя это, конечно же, преувеличение. Именно стирается и к тому же очень быстро стирается: не случайно сам Толстой превратил свои дневники и записные книжки в своеобразную «кладовую», где фиксировались непосредственные наблюдения жизни и впечатления, полученные от чтения. На эти два вопроса, к сожалению, невозможно ответить, и на них никогда не будет найден ответ.

Но это не так уж и важно. Не имеет значения и авторская правка в дневнике: «юный ирландский джентльмен» исчез, заменившись обобщенным участником предполагаемого диалога, а вторая часть фразы – это уже свободное авторское рассуждение, лишь получившее импульс в первой, начальной. Гораздо важнее то, что дневниковая запись рождена у Толстого чтением Диккенса. Один – гениальный русский романист, выступающий в дневнике в качестве публициста, нашел остроумную, ироничную, блестяще высказанную «формулу мысли» у другого – английского гения и заимствовал ее у него, «процитировав» с небольшой вариативностью в своем дневнике.

Если эта наша статья попадет в руки исследователям или тем более издателям Толстого и Диккенса, то *без комментария* к выделенной

фразе у того и у другого уже не обойтись. А это главное: гении равновелики и освещают друг друга светом напряженно, порой парадоксально работающей мысли. Важно уловить эти схождения, а уловив и почувствовав, найти и вычлени их и доказать их близость, что и было только что нами сделано у вас на глазах.

Загадка дневниковой записи перестала быть загадкой, а фрагмент текста прославленного романа Диккенса, которым зачитывался Толстой, получил новую интерпретацию – в дневниковой «шутке» Толстого.

Но не так уж и мал этот итог расследования неизвестного литературного факта, который и фактом-то литературы – притом совершенно бесспорным, установленным, абсолютно реальным фактом – становится только благодаря использованию приемов текстологического анализа: «критики текста», «медленного чтения» или, как мы назвали его в самом начале статьи, «комментаторского сверхусилия». И это опре-

деление тоже вполне естественно, потому что само понятие *текст* здесь используется в расширительном истолковании: как творческое наследие писателей, в нашем примере – Диккенса и Толстого, представленное к тому же в разных жанрах и родах их творческого труда.

Такие анализы стоят действительно громадных и целеустремленных усилий, но продуктивными они оказываются только в тех случаях, когда, как мы видели, им сопутствуют удача и счастливое стечение обстоятельств, хотя к строгим научным категориям последние никак не отнесешь – при всей очевидности их значения в любом научном поиске, в том числе и в комментаторском деле.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. О литературе. М.: Гослитиздат, 1955.
2. Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30-ти т. Т.3. М.: Госуд. изд-во художественной литературы, 1958.

L. TOLSTOY AND CH. DICKENS: THE MYSTERY OF ONE DIARY NOTE

N.M. Fortunatov

In providing a specific textological commentary, the author is looking for the literary base of L. Tolstoy's diary note (December, 1902).

Keywords: textology, comment, L.Tolstoy, Ch. Dickens.